НОВЕЛЛЫ В ОБЛАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

NOVELTIES IN THE FIELD OF REGULATING SUBSIDIARY LIABILITY OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR IN BANKRUPTCY

УДК 346

Акдерли Даниил Михайлович, Студент 4 курса Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университет

Anderle Daniel M., akderlidaniil@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица. Данная тема в настоящее время очень актуальна, ведь предотвращение неправомерных действий при банкротстве входит в перечень задач Российской Федерации в сфере борьбы с правонарушениями, так как ущерб причиняется не только кредиторам, но и возникает угроза экономической безопасности страны в целом. Статья основана на системном подходе к определению и формированию концепции субсидиарной ответственности, теоретическом, экономическом и функциональном анализах комплексного взаимодействия основных участников института банкротства.

Annotation

The article deals with theoretical and practical issues of subsidiary liability for the obligations of a legal entity. This topic is currently very relevant, because the prevention of illegal actions in bankruptcy is included in the list of tasks of the Russian Federation in the field of combating offenses, since damage is caused not only to creditors, but also there is a threat to the economic security of the country

as a whole. The article is based on a systematic approach to the definition and formation of the concept of subsidiary liability, theoretical, economic and functional analysis of the complex interaction of the main participants in the institution of bankruptcy.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, КДЛ, кредитор.

Keywords: bankruptcy, subsidiary liability, CDL, lender.

Введение в проблему

В 2017 произошли существенные изменения положений законодательства о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (далее – «**КДЛ**») при банкротстве. Основной целью новелл было увеличение вероятности взыскания реестровыми кредиторами, в особенности налоговыми, задолженности в ходе процедуры банкротства. Однако, на наш взгляд, законодатель выбрал негодные средства для достижения поставленной цели.

1. Понятие института субсидиарной ответственности как исключения из принципа независимости и самостоятельности юридического лица как участника оборота.

С 2002 года практика по привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности практически отсутствовала, что делало соответствующую норму закона «мертвой». Подобная тенденция негативно влияла на эффективность всего института банкротства в целом. Начиная с 2012 года практика изменилась, и суды начали привлекать КДЛ к субсидиарной ответственности чаще. Так, к примеру, в Постановлении ФАС Уральского округа от 11.04.2014 №Ф09-700/14 суд перед вынесением итогового решения об удовлетворении требования заявителя о привлечении руководителя к субсидиарной ответственности провел комплексный анализ

всех обстоятельств по делу, в частности, исследовал вопрос превышения величины активов над пассивами на момент подачи заявления о банкротстве, исследовал вопрос причинно-следственной связи между неподачей заявления о КДЛ в «нужный» момент и последующим увеличением пассивов в ущерб кредиторам и т.п. Данный пример косвенно свидетельствует, во-первых, о том, что на практике появились механизмы пресечения противоправных и (или) недобросовестных действий должников и, во-вторых, о том, что такие механизмы требовали существенных усилий правоприменительных органов при их использовании.

Исходя из настоящего регулирования соответствующих вопросов, суд во многом освобожден от проведения столь подробного анализа, пример которого приведен выше, а истец – от собирания и предоставления соответствующих доказательств, являющихся основой судебного анализа. Причины такого упрощения на позитивном уровне, в частности, следующие: закрепление новых абстрактных оснований для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности, создание новых процессуальных презумпций, освобождающих заявителей от необходимости доказывать факты, на которые они ссылаются.

Закрепление абстрактных оснований для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности не только неоправданно смещает баланс интересов в пользу заявителя, но и противоречит самой природе института субсидиарной ответственности. По своей сути институт субсидиарной ответственности КДЛ представляет собой российский аналог англо-американской модели «прокалывания корпоративной вуали» и немецкой модели «пронизывающе ответственности» и является исключением из общего фундаментального принципа российского права, принципа разграничения ответственности юридического лица и ответственности других лиц, в том числе учредителей, участников. Данный вывод можно сделать путем буквального толкования пункта 2 статьи 56 ГК РФ. Раз

предложенный механизм является исключением, основания приведения такого механизма в исполнение не могут толковаться расширительно, как следует из общей теории права. К сожалению, абстрактность оснований привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности и «размытость» критериев выделения КДЛ как такового свидетельствуют о теоретической противоречивости рассматриваемой конструкции.

2. Характеристика последних изменений в регулировании субсидиарной ответственности.

А. В законе предусмотрена возможность привлекать к субсидиарной ответственности не только КДЛ, запись о которых содержится в ЕГРЮЛ, но и реальных владельцев (бенефициаров) бизнеса.

Признаки выделения КДЛ перечислены в статье 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 01.07.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – «**ФЗ о банкротстве**»). Наиболее интересная, на наш взгляд, ситуация, возникающая при определении признаков презумпции контроля, связана с выявлением так называемых «теневых директоров», фактических получателей дохода. Так, номинальный директор (участник), который, как правило, не способен удовлетворить требования кредиторов самостоятельно, имеет возможность предоставить сведения о фактическом КДЛ для снижения размера субсидиарной ответственности.

Такое расширение круга возможных к привлечению к субсидиарной ответственности лиц представляется положительным, несмотря на абстрактность критериев определения КДЛ. На наш взгляд проблема абстрактности таких критериев преодолевается формальной и, как следствие, фактической возможностью привлекать к ответственности лиц, которые по факту являются координаторами соответствующей противоправной деятельности номинальных управляющих, приведшей в итоге к банкротству должника. До вступления в юридическую силу рассматриваемого

регулирования указанная возможность даже на формальном уровне отсутствовала.

Б. В целях разъяснения новых положений законодательства Пленумом ВС РФ было принято Постановление от 21.12.2017 №53 (далее - Постановление Пленума №53), которое своим существованием привело к еще большему концептуальному смешению субсидиарной и деликтной ответственности. Так, в пункте 14 Постановления Пленума № 53 Верховных Суд, рассматривая вопрос о возмещении посредством использования субсидиарной ответственности расходов, необходимых для проведения процедур банкротства, прямо ссылается на статью 1064 ГК РФ, регламентирующую деликтную ответственность.

Таким образом, нововведения в части субсидиарной ответственности КДЛ существенны и имеют ряд недостатков, которые будут детально рассмотрены ниже. Также мы предложим альтернативный механизм привлечения КДЛ к ответственности, построенный по модели деликтной ответственности, который, на взгляд современных научных деятелей, позволяет в большей мере соблюсти баланс всех встречных интересов участников конфликта.

I. Теоретический аспект: проблемы определения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и ее природа.

Перед анализом практических аспектов применения существующей в российском праве модели субсидиарной ответственности необходимо рассмотреть природу таковой. Для постановки практических вопросов и, в особенности, для их решения будет иметь существенное значение то, как мы понимает конструкцию субсидиарной ответственности. От того, понимаем ли мы под субсидиарной ответственностью КДЛ при банкротстве разновидность гражданско-правовой ответственности или же особый

межотраслевой механизм, зависит разновидность правил и порядок применениях таковых к тем или иным отношениям.

1. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: критерии выделения.

В доктрине выделяют несколько понятий ответственности, дифференцируя ее по различным критериям. Так, С. Н. Братусь выделял ответственность с точки зрения принудительной защиты права требования. Однако, наиболее распространенной и интересной в контексте нашего исследования является концепция, в рамках которой ответственность определяется как дополнительная обязанность, возникающая в случае нарушения права у стороны обязательства.

Таким образом, можно выделить следующие наиболее распространенные в теории признаки гражданско-правовой ответственности: 1) ответственность является дополнительной обязанностью по отношению к основному обязательству; 2) ответственность возникает в случае нарушения основного обязательства его стороной перед другой стороной (сторонами); 3) соразмерность размера ответственности и причиненного вреда или убытков стороне (сторонам) обязательства.

Применяя указанные выше критерии выделения гражданско-правовой ответственности к субсидиарной ответственности КДЛ при банкротстве можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, по мнению некоторых научных деятелей, субсидиарная ответственность КДЛ при банкротстве не является дополнительной обязанностью по отношению к основному обязательству подконтрольного общества (основной должник), так как предполагает исполнение основного обязательства целиком, в том числе выплату неустойки, убытков в качестве ответственности, понесенной основным должником. По всей видимости, в данной части стоит не согласиться с решением тех авторов, которые

утверждают, что субсидиарная ответственность могла бы быть заменена на деликтную, так как, по их мнению, это позволит лучшим образом сбалансировать интересы участников спора (несмотря на то, что с аргументацией авторов мы согласны). В доктрине общепризнанным является факт того, что ответственность за причинение вреда вне рамок договорных отношений (деликт) направлена на реализацию негативного интереса потерпевшего, то есть на возвращение его в экономическое положение, существовавшее до совершения правонарушения. Такое понимание ответственности КДЛ перед реестровыми кредиторами не соответствует цели института банкротства – ликвидировать наиболее справедливым образом задолженность перед кредиторами, что должно предопределять стремление законодателя реализовать позитивный интерес, то есть поставить кредиторов в то положение, как если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Реализация позитивного интереса присуща возмещению договорных убытков (статьи 15, 393 ГК РФ), однако квалифицировать ответственность КДЛ в рамках банкротства как договорную не позволяет сделать то, что отсутствует обязательный критерий – основание возмещения договорного вреда, заключающейся в наличии договора между причинителем вреда и потерпевшим.

Анализируя положения статьи 399 ГК РФ можно определить, что субсидиарная ответственность имеет место в том случае, когда в одном обязательстве участвуют два должника, один из которых основной, а другой - дополнительный.

Так, в классическом доктринальном понимании субсидиарной ответственности субсидиарный должник несет ответственность перед кредитором на тех же основаниях, что и основной должник, объем ответственности субсидиарного должника совпадает с объемом ответственности основного должника и обязанность субсидиарного

должника возникает в случае неисполнения своей обязанности основным должником.

В рассматриваемой нами проблематике КДЛ как раз является дополнительным должником, отвечающим перед реестровыми кредиторами в ходе банкротства в случае невозможности полного удовлетворения требований последних за счет имущества подконтрольного общества (основного должника).

Таким образом, в данной части модель субсидиарной ответственности КДЛ встраивается в классическую модель субсидиарной ответственности по статье 399 ГК РФ.

Во-вторых, как правильно замечает Егоров А. В., субсидиарная ответственность КДЛ возникает не в силу неисполнения основным должником своего обязательства, а в силу противоправных действий КДЛ, являющихся самостоятельным основанием ответственности. Данный вывод подтверждается и на позитивном уровне.

Также стоит заметить, что в связи с развитием модели деликтной ответственности так называемого «интервента», который «вмешался» своими недобросовестными действиями в правоотношения должника и кредитора, чем причинил убытки кредитору, действия КДЛ можно квалифицировать как деликт по отношению к реестровым кредиторам. Однако, как было продемонстрировано выше, для завершенности фактического состава ответственности по любой модели необходимо установить противоправность действий должника. Именно в этом и заключается разница между двумя приведенными моделями ответственности: в случае с субсидиарной ответственностью необходимо каждый раз устанавливать факт противоправности конкретных действий причинителя, что может выражаться, к примеру, в нарушении конкретной должностной обязанности, в нарушении норм корпоративного права о согласовании сделок, учитывая нюансы трудового законодательства в том

числе (особенно осложняется данный вопрос в случае, когда КДЛ является собственником); в случае с деликтной ответственностью значительно упрощается сама конструкция ответственности КДЛ при банкротстве должника, так как причинение вреда само по себе презюмируется противоправным, что освобождает заявителя от тяжелого бремени доказывания данного факта, что, в определенном смысле, может оправдывать наличие в нынешнем регулировании презумпций противоправности.

На наш взгляд в рассматриваемой части нет смысла применять более сложную конструкцию к правоотношениям, к которым можно применить более простой механизм. Противоположное было бы оправдано лишь в случае наличия каких-либо политико-правовых или сугубо практических причин. Однако, как будет продемонстрированно в следующем разделе, указанных причин не существует.

Что касается третьего выделенного нами признака гражданско-правовой ответственности, то необходимо отметить, что модель субсидиарной ответственности исторически была выведена с целью наиболее эффективной в справедливой компенсации имущественных потерь кредиторов. Без таковой в ее современной интерпретации и при наличии значительных сложностей с доказыванием размера убытков и причинно-следственной связи в рамках гражданско-правовой ответственности КДЛ при банкротстве кредиторы в большинстве случаев не получали то, на что были вправе рассчитывать на момент возникновения у должника обязательства.

Таким образом, все основные критерии выделения гражданско-правовой ответственности применимы и при выделении субсидиарной ответственности КДЛ при банкротстве, что позволяет нам сделать соответствующий вывод о природе последней. На наш взгляд, правильным было бы считать субсидиарную ответственность КДЛ при банкротстве разновидностью гражданско-правовой ответственности, возникающей вне рамок договорных отношений (деликтная ответственность).

2. Как правоприменительные органы понимают институт субсидиарной ответственности?

В предыдущем подразделе настоящей работы было предложено считать, что субсидиарная ответственность КДЛ при банкротстве является разновидностью гражданско-правовой ответственности, возникающей вне рамок договорных отношений (деликтная ответственность). Данное заключение было сделано на основе анализа теоретических аспектов рассматриваемого вопроса. На данном этапе исследования проблемы необходимо затронуть вопрос о том, как определяется природа субсидиарной ответственности КДЛ в судебной практике.

Необходимо начать с того, что в конце 2017 года вслед за включением в Федеральный закон о несостоятельности (банкротстве) норм, регулирующих субсидиарную ответственность КДЛ, Верховный суд издал Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – «**Постановление Пленума ВС**»), разъясняющего правила применения рассматриваемой конструкции на практике. В данном разъяснении Верховный суд во всех ключевых пунктах делает отсылку при регламентации конструкции субсидиарной ответственности КДЛ к общим нормам о гражданско-правовом деликте.

Так, к примеру, в пункте 6 Верховный суд рассматривает случай уменьшения ответственности номинального директора при условии раскрытия последним сведений о фактическом директоре, реально ведущим бизнес от имени организации. Так, в данном разъяснении суд прямо ссылается на пункт 1 статьи 1064 и абзац первый статьи 1080 ГК РФ для обоснования того, что в той части, в которой ответственность номинального руководителя не была уменьшена, он отвечает солидарно с фактическим руководителем.

Также в пункте 5 Верховный суд, рассматривая вопрос об определении размера требований кредиторов, определяя требования кредиторов, которые как подлежат, так и не подлежат учету, Верховный суд использует в качестве критерия выделения таких требований статью 1064 ГК РФ.

Таким образом, проанализировав только часть нового разъяснения Пленума ВС можно сделать однозначный вывод, что высшая судебная инстанция придерживается аналогичного вывода, предложенного нами выше в теоретическом аспекте.

Аналогичного подхода придерживаются суды более низших инстанций. Так, в одном деле суд, анализируя доводы заявителя о привлечении руководителя обанкротившегося должника к субсидиарной ответственности, Власова Е.И., который не исполнил в установленный законом срок обязанность по передаче документации должника конкурсному управляющему, указал на то, что ответственность, предусмотренная в пункте 4 статьи 10 Закона о банкротстве, является гражданско-правовой, поэтому при ее применении должны учитываться общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушения обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда в части, не противоречащей специальным нормам Закона о банкротстве.

Основываясь на приведенном выше выводе суд указал, что, анализируя вину субъекта в данном конкретном случае, необходимо исходить из того, приняло ли это лицо все меры для надлежащего исполнения возложенных на него обязательств при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота (пункт 1 статьи 401 ГК РФ).

Подобных судебных рений в практике множество, но останавливаться на них в рамках настоящей работы не имеет смысла. Главной целью настоящего подраздела являлась демонстрация приверженности

правоприменителя к определенному подходу, разделяемому нами в настоящей работе.

II. Практический аспект: проблемы применения нововведений в рассматриваемой области на практике.

Основные практические проблемы в рассматриваемой сфере особенно обостряются в период с конца 2016 года – начала 2017 года по сегодняшний день, с момента вступления в силу Федерального закона от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Именно данный закон критически ужесточил правила привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ при банкротстве, несправедливо сместив баланс интересов в пользу конкурсных кредиторов в деле о банкротстве. Это обусловлено, в частности, следующим: абстрактность критериев выделения КДЛ, неопределенно широкий перечень оснований привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ, наличие фактически ничем не обусловленных презумпций, существенным образом вопреки основам процессуального права перекладывающих бремя доказывания фактов по делу с истца на ответчика, отсутствие необходимости у истца доказывать размер взыскиваемых убытков.

1. Проблема «принципа бизнес – решения».

Статьей 53.1. введены основания взыскания с директоров, которые чаще всего являются КДЛ для целей привлечения их к субсидиарной ответственности, убытков, причиненных по их вине юридическому лицу. Данная статья ограничивает свободу действий директора, устанавливая обязанности последнего действовать разумно и добросовестно, для целей защиты интересов соответствующей организации и, косвенно, участников последней. Однако, анализируя положение директора в структуре экономических отношений необходимо учитывать, что любое ограничение

должно иметь свои строго определенные пределы. В противном случае перевес в сторону одних ценностей приведет к неадекватному ограничению до степени умаления и дезавуирования сущностей других ценностей, недопустимого снижения достигнутого ранее уровня гарантий.

Описанная проблематика обуславливает существование на практике проблемы так называемого «принципа бизнес - решения». Данный принцип является воплощением принципа свободы экономической деятельности лиц, установленного в статье 8 Конституции Российской Федерации. В соответствии с «принципом бизнес – решения» суд не может и не должен оценивать действия частного субъекта на предмет их экономической целесообразности, так как в противном случае это будет противоречить природе предпринимательской деятельности как самостоятельной деятельности, осуществляемой на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. В связи с этим необходимо согласиться с Рустемом Мифтахутдиновым, который пишет, что «… субсидиарная ответственность должна быть исключением и наступать только за неправомерное доведение до банкротства, а не за банкротство, наступившее вследствие обычного предпринимательского риска». Более того, суд является правоприменительным органом, а не органом, разрешающим вопросы экономики, что не позволяет ему разрешать вопросы экономической целесообразности того или иного решения на должном уровне, на что у него, собственно, отсутствуют полномочия. Несоблюдение правоприменительными органами данного принципа повлечет риск утраты стимулов к ведению предпринимательства, особенно это характерно повлияет на уже существовавшую к тому времени проблему привлечения рабочей силы на должности менеджеров по рискам.

В подтверждение сформированного на практике и в теории рассматриваемого принципа необходимо обратить внимание на пункт 3

Постановления Пленума ВАС РФ №62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» от 30 июля 2013 года. В соответствии с данным пунктом судам надлежит учитывать, насколько совершение того или иного действия входило или должно было, учитывая обычные условия делового оборота, входить в круг обязанностей директора, в том числе с учетом масштабов деятельности юридического лица, характера соответствующего действия. Как можно увидеть, высшая судебная инстанция определяет, что директор является, в первую очередь, должностным лицом, а не предпринимателем, действующем на условии риска. Данное разъяснение должно обуславливать соответствующий подход в практике привлечения директоров, как КДЛ, к субсидиарной ответственности при банкротстве. Иными словами, к директорам должен применяться пониженный уровень требований разумного и осмотрительного поведения в сравнении с лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность.

С другой стороны, рассматриваемый принцип не исключает того, что право помимо стимулирования экономического роста призвано обеспечить стабильность и безопасность хозяйственного оборота. Именно поэтому правопорядок вводит фидуциарные обязанности КДЛ представлять интересы подконтрольных лиц добросовестно и разумно.

Мы разделяем точку зрения, при которой баланс между указанными выше ценностями (стабильность оборота и свобода экономической деятельности) не может быть достигнуть без учета принципа бизнес – решения, раскрытого выше. Таким образом, практическим выводом приведенных рассуждений является установление на позитивном уровне низкого стандарта разумности действий директора или любого иного КДЛ, что обосновывается, помимо приведенных выше аргументов, тем, что, в частности, директор, как КДЛ, не является предпринимателем, что предполагает возможность привлечения его к ответственности только за

вину, а не за случай наступления банкротстве по не зависящим от такого лица обстоятельствам.

Однако, в силу противоречивости в логике законодателя и иных политико-экономических причин, в том числе экономического кризиса 2008 года, на позитивном уровне должный баланс ценностей в рассматриваемой сфере не установлен по следующим причинам:

А. Вина, контроль и причинно – следственной связь между действиями КДЛ и банкротством подконтрольного общества презюмируются для неопределенного круга случаев.

Б. КДЛ обязано не только воздерживаться от осуществления заведомо невыгодных сделок (действий) для подконтрольной компании, но и предпринять все меры для принятия «информированного решения», что неизбежно влечет необходимость для суда оценивать экономическую целесообразность принятого решения КДЛ, что, как было указано выше, недопустимо.

В. В судебной практике прослеживается тенденция повышения порога разумности действий директора.

2. Практические проблемы характеристики признаков контролирующих должника лиц.

Напомним, что в настоящей работе мы выделили ряд признаков гражданско-правовой ответственности для целей сопоставления таковых с признаками субсидиарной ответственности КДЛ при банкротстве для целей установления тождества двух конструкций. Третий выделенный нами признак гражданско-правовой ответственности, заключающийся в соразмерности размера возмещения ответственной стороной размеру причиненного ею вреда или убытков. Как было указано выше, данный критерий применим и к конструкции субсидиарной ответственности исходя

из исторической и телеологической перспектив. Однако, на позитивном уровне, на уровне судебной практики указанный признак гражданско-правовой ответственности нарушается, что, очевидно, приводит к несправедливому результату.

Так, при применении конструкции субсидиарной ответственности КДЛ размер возмещения обязанным лицом потенциально может быть не соразмерным причиненному вреду или возникшим у управомоченного лица убыткам. Ответственность КДЛ может быть как несоразмерно меньше фактического ущерба, причиненного заявителю, так и больше по следующим причинам. В соответствии с пунктом 11 статьи 61.11 ФЗ о банкротстве размер ответственности КДЛ по «субсидиарной модели» составляет совокупный размер требований кредиторов, включенных в реестр требований. Такой механизм не предполагает (снимает необходимость) расчет размера вреда, причиненного действиями КДЛ кредитору.

В отличие от иных рассмотренных выше критериев гражданско-правовой ответственности, в данном случае есть и политико-правовые, и практические предпосылки для усложнения конструкции ответственности, делая выбор в пользу пусть более трудоемкого, но справедливого анализа фактически причиненного вреда в рамках деликтной модели. В противном случае на практике будут возникать неразрешимые проблемы как сверх компенсации реестровых кредиторов за счет имущества КДЛ, так и недостаточной компенсации, что, вероятно, самое опасное.

В 2013 году законодатель попытался исправить очевидную ошибку в правотворчестве, рассмотренную выше, однако, в итоге лишь в очередной раз признал существование таковой, но не так и не решил ее. Так, в 2013 году законодатель вводит правило о том, что размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица подлежит соответствующему уменьшению, если им будет доказано, что размер вреда,

причиненного имущественным правам кредиторов по вине этого лица, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за счет этого контролирующего должника лица.

Из этого можно сделать два ключевых вывода. Во-первых, законодатель с очевидностью признает в очередной раз компенсаторную природу субсидиарной ответственности КДЛ при банкротстве. Во-вторых, законодатель создает «мертвую» норму, смысл которой дезавуируется с учетом реалий практики правоприменения в соответствующей сфере. Так, законодатель, формируя конструкцию субсидиарной ответственности, во многом преследовал цель создать эффективный механизм защиты интересов кредиторов при банкротстве в отсутствии эффективного механизма взыскания убытков (в силу фактической невозможности доказывания размера убытков). Законодательная новелла «решает» обозначенную проблему простым перекладыванием риска недоказанности размера убытков кредитора на КДЛ. Такая позиция законодателя недопустима, во-первых, потому, что должник вынужден доказывать «чужие» убытки, что вдвойне сложнее и менее перспективней, чем процесс доказывания кредитором своих убытков, а, во-вторых, такое регулирование противоречит части 1 статьи 56 ГПК РФ и части 1 статьи 65 АПК РФ, где указано, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

III. Выводы и предложения

Существующая на сегодняшний день проблема правовой квалификации субсидиарной ответственности КДЛ при банкротстве негативно отражается как на отдельных участниках оборота, так и на обороте в целом. На наш

взгляд, как было продемонстрировано выше, существование указанной проблемы необоснованно и теоретической точки зрения.

По итогу анализа рассматриваемой конструкции через призму ее судебного толкования и доктринального осмысления, можно сделать следующие выводы.

А. Законодатель создал специальный институт восстановления имущественной массы конкурсных кредиторов, что являлось реакцией законодателя на неудовлетворительную практику взыскания убытков с контролирующих лиц.

Б. Институт субсидиарной ответственности контролирующего лица при банкротстве является частным случаем деликтной ответственности.

В. Возникающие на практике проблемы зачастую связаны с неправильным понимаем правоприменителем и законодателем природы субсидиарной ответственности и основных принципов ведения предпринимательской деятельности.

Для устранения приведенных проблем и противоречий мы приводим следующие предложения по решению таковых.

А. Прямое закрепление на нормативном уровне деликтного характера субсидиарной ответственности. Модель деликтной ответственности открывает значительно больший функционал для судей, чем у них есть на данный момент. Более того, деликтная модель является более надежной и привычной, сформированной и выверенной.

Б. Исключение из закона необоснованных презумпции наличия причинно-следственной связи, которые отражают фактическое положение дел менее чем на 50 %, что позволит привести существующий баланс интересов участников оборота на должный уровень.

В. Пересмотр регулирования в части объема субсидиарной ответственности КДЛ: необходимо установить на нормативном уровне правило о том, что контролирующее лицо отвечает в объеме фактически

причиненного ущерба. Данный вопрос особенно актуален для случая привлечения к публично-правовой ответственности подконтрольных лиц (пени, административные штрафы, налоговые штрафы). Так, перекладывание бремени несения публичной ответственности на КДЛ в полном объеме объективно необоснованно в силу соответствующих признаков и назначения таковой.

Список литературы

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Т. 1. М., 2002. – 476 с.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. – 213 с.
3. Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законо¬дательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и правовая при¬рода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. – С. 45–77.
4. Егоров А. В., Усачева К. А., Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова / А. В. Егоров, К. А. Усачева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. -№ 12. – С 6- 61.
5. Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М., 1991. – 208 с.
6. Мифтахутдинов Р. Т. – Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы. - Закон. 2018. №05. – 7 с.
7. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. // Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. – М.: Статут, 2018. – 207 с.

8. Шиткина И. «Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. 2017. №8. – 29 с.

List of references

1. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract law. Vol. 1. M., 2002. - 476 p.
2. Bratus S. N. Legal responsibility and legality. M., 1976. - 213 p.
3. Gutnikov O. V. Subsidiary liability in the legislation on legal entities: issues of legal regulation and legal nature // Right. Journal of the Higher school of Economics. 2018. no. 1. - Pp. 45-77.
4. Egorov A.V., Usacheva K. A., Subsidiary liability for bringing to bankruptcy – an unsuccessful equivalent of the Western doctrine of removing corporate cover / A.V. Egorov, K. A. Usacheva // Bulletin Of The Supreme Commercial Court Of The Russian Federation, 2013, No. 12, P 6-61.
5. Komarov A. S. Responsibility in commercial turnover. Moscow, 1991. - 208 p.
6. miftakhutdinov R. T.-Evolution of the Institute of subsidiary liability in bankruptcy: causes and consequences of legal reform. - Law. 2018. no. 05 – - 7 p.
7. Stepanov D. I., Mikhalchuk Yu. S. / / Responsibility of the Director to the Corporation for damages caused to it in judicial practice. - Moscow: Statute, 2018. - 207 p.
8. Shitkina I. " Responsibility of controlling debtor persons in insolvency (bankruptcy) / / Economy and law. 2017. no. 8 – - 29 p.